

ла спорта не происходит сама собой и во многом зависит от того, в каких целях общество использует спорт. В настоящее время в России всего лишь 8,7% населения занимается спортом, тогда как в развитых странах этот показатель значительно выше. Так, в США регулярно занимается спортом и физической активностью – 40% населения, а в Германии численность занимающихся спортом еще выше – 60%. Такое положение дел нельзя признать удовлетворительным, – представителям государственной власти, спортивного бизнеса и общественности, в ближайшие годы предстоит большая работа по совершенствованию отношений в физкультурно-спортивной сфере, по модернизации системы физического воспитания и спорта. В наш век – век значительных социальных, технических и физических преобразований научно-техническая революция наряду с прогрессивными явлениями внесла в жизнь и ряд неблагоприятных факторов. К ним следует отнести гиподинамию, нервные и физические перегрузки, связанные с овладением сложной современной техникой, а также стрессы профессионального и бытового порядка и как следствие – нарушение обмена веществ, избыточный вес, предрасположение к сердечно-сосудистым заболеваниям. Влияние неблагоприятных факторов на здоровье человека настолько велико, что внутренние защитные функции самого организма не в состоянии справиться с ними. Как показывает опыт, лучшим противодействием неблагоприятным факторам оказались регулярные занятия физической культурой и спортом, которые помогли восстановлению и укреплению здоровья людей, адаптации организма к значительным физическим нагрузкам. Чем дальше идет человечество в своем развитии, тем в большей степени оно будет зависеть от физической деятельности человека. Основная цель ее привлечения населения к регулярным занятиям физической культурой и спортом – восстановление утраченного контакта с окружающим миром, создание необходимых условий, для воссоединения с обществом, участия в общественно полезном труде и реабилитации своего здоровья. В зарубежных странах очень популярны занятия физической активностью с целью отдыха, развлечения общения, поддержания или приобретения хорошей физической формы, необходимого уровня физической подготовленности. Современный спорт многогранен, дифференцирован, и это позволяет удовлетворять самые разнообразные потребности личности и общества в области спорта. Позитивность или негативность, влияния спорта на личность и общество, зависит не столько от самого спорта, сколько от целесообразности использования различных направлений и форм спортивной деятельности в конкретных условиях его культивирования, от социально-экономического уровня общества, от

системы нравственного воспитания, сопутствующей спортивной деятельности и подачи средствами массовой информации. Спорт издавна использовался, как мирное средство проведения политических акций против несправедливости. Спорт – это единственная альтернатива, во всяком случае, наиболее ясная и понятная для молодежи. Чем больше молодежи будет заниматься спортом, чем больше мода на спорт будет принята в нашем обществе, тем в большей степени общество будет здорово. Побеждающий, в конце концов в человеческом обществе центризм все же позволит на основе минимума общепринятых нравственно-этических императивов разработать типологию принципов реального, неутопического Фэйр Плэй в различных сферах: политике и власти, экономике и культуре, охране здоровья и окружающей среды и в семейных отношениях что принципы Фэйр Плэй, встроены в повседневную жизнь, должны стать парадигмой этики XXI века.

Работа представлена на Международную научную конференцию «Перспективы развития вузовской науки», Россия (Сочи), 22-25 сентября 2011 г. Поступила в редакцию 29.11.2011.

ФИЛОСОФИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ В СВЕТЕ ИДЕИ НОВОГО КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА СОВРЕМЕННОСТИ

Лукьянов А.В., Шергенг Н.А.

ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Уфа, e-mail: veronia_2005@mail.ru

В данной статье речь идет об основаниях мировоззренческого фундамента нового культурного синтеза современности. Анализируются философские проблемы современного естествознания согласно принципу взаимодополнительности.

Индивидуальные творцы пранауки не известны. Никогда не будут известны и те, кто впервые понял, что знание можно распространить за пределы одного поколения. Безымянные и первые изобретатели колеса, молота, жернова или охотничьей ловушки. Наука в период своего зарождения предстает целостной и обобщенной.

Изучение процесса формирования рационального знания древности – необычайно сложное дело. Ясно пока очень немногое. Очевиден прикладной характер пранауки. Хотя практические действия людей и были рациональны, основывались на конкретном знании, их обоснование в отдельных случаях могло быть иррациональным. Так, охота, строительство или сбор целебных трав могли начинаться *магическим ритуалом*.

История человеческой мысли также отмечена некоей двойственностью. В.И. Вернадский писал в связи с этим, что к ряду представлений, связанных с мироощущением человека, мож-

но прийти не только «путем точного научного наблюдения и опыта, а путем философских исканий и интуиций» (См.: Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Кн.2 Научная мысль как планетарное явление. – М.: Наука, 1977. – С. 25).

Необходимо отметить, что в мифе абстрактно – логическое мышление органически слито с чувственно – образным восприятием явлений, знание – с переживанием. Миф – это абсолютное тождество бытия и мышления, материи и сознания. В мифе не различаются мышление и чувство. Об этом писал Ф.В.Й. Шеллинг; эту же идею разрабатывал во всех ее частных импликациях и А.Ф. Лосев.

В мифологическом мышлении нет понятий естественного и сверхъестественного. Люди стали разграничивать данные понятия лишь с возникновением теоретического мышления в форме рождающихся первых натурфилософских учений.

И все же «первой теоретической деятельностью рассудка, который еще колеблется между чувственностью и мышлением, является счет» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 1. – С. 31).

Эсхил вложил в уста своего Прометея следующие слова:

«Смотрели раньше люди и не видели
И слышали, не слыша...
И без толку
Трудились. Я восходы и закаты звезд
Им первый показал. Для них я выдумал
Науку чисел, из наук важнейшую».

Единовременность, синкретичность явления знания и самосознания, сложность структуры науки и искусства, понимаемой как познание и оценка реальности, могут быть усмотрены в этих гениальных строках.

Возникновение натурфилософских учений породило религиозные различия, поскольку именно натурфилософия выводит человека на проблему предельных оснований всего сущего, заменяет недостающие связи в объяснении фактов вымышленными. Однако качественно религия все же остается на уровне мифологического восприятия мира, сохраняя и продолжая его, поскольку она утверждает реальное существование сверхъестественного, наделяя именно его подлинным, бесконечным и всемогущим бытием. Наука же – и именно из этой гипотезы мы здесь исходим – в своих фундаментальных основаниях, в своем исходном принципе *постоянно преодолевает* мифологию (следовательно, и религию), признавая существование только естественного и отрицая сверхъестественное. Именно данный процесс отрицания и составляет сущность положительной науки, как формы культурного, интеллектуального синтеза современности. Но не следует думать, что с прекращением этого процесса наука добьется окончательного господства. Конец процесса будет означать

начало новой мифологии. Следовательно, постановка вопроса должна быть только такой: мы должны всеми своими силами стремиться к науке, но не должны объявлять ее в качестве достигнутой цели человеческого развития.

В конкретной человеческой истории действительно все оказывается гораздо сложнее. Сознание человека не может полностью вырваться из рамок зависимости от практически-материальной жизни. Именно эта зависимость не позволяет реализовать ни одного варианта «чистой» идеи, «чистой» науки и т.д. Люди никогда не обходились одной только мифологией или религией (в любую эпоху имелись определенные элементы практически достоверного знания, пусть в его донаучной форме), так и сегодня, на рубеже тысячелетий, даже развитая наука продолжает сосуществовать вместе с религией. Кроме того, внутри самой науки прослеживается сегодня заметное оживление мифотворчества. Данный факт говорит о том, что законным продолжением теоретической, или логической, науки, которая в своей основе содержит не вопрос «что *может* быть?» или, если сказать резче, «что *должно* быть?», а вопрос «что *есть*?» В этом плане мифология включает в себе ту грандиозную архитектуру, которая непосредственно перемещается в природу и, таким образом, находит свое завершение в устремленной к небу логической вершине.

Мифологические представления, несмотря на их кажущуюся абсурдность, все же находят во взаимосвязи с природой и ее явлениями. «Эта связь с природой, – писал Шеллинг, – этот вид сходства, который мифологические существа высказывают с существами природы, основывается на том, что *те же самые* миропроизводящие потенции, которые действовали в природе, здесь действуют в сознании. Стало быть, эта взаимосвязь сама является естественной, а не искусственной (многие во времена Шеллинга рассматривали мифологию «как искусственно развитый взгляд на природу»), объяснимый, например, тем что «в глубочайшей древности допускается своего рода философско-поэтическое исследование природы» (Шеллинг Ф.В.Й. Философия откровения. Т.1. – СПб.: Наука, 2000. – С. 460).

Итак, мифология – это не только некий «до-теоретический» способ обобщения стихийно-эмпирических знаний, но и определенное порождение, лучше сказать, *произведение самой субстанции самосознания*, а потому так с ней срослась. Данный взгляд объясняет ту веру, которую человечество питало к мифологическим представлениям. Процесс, в котором выработались данные представления, был независимым от мышления и от свободы человека и в *этом* смысле объективным, человечество должно было питать к данным представлениям совершенно особую веру, а также считать их объективными. Такой вывод вытекает из следу-

ющего факта. Обычно действию предшествует мысль. Но мифологические представления не были просто делом мышления; они опережали мышление и поэтому непосредственно, до какого-либо мышления, понуждали и к соответствующему действию. Таким образом, действовавшие в мифологическом процессе силы не являлись только воображаемыми, а были действительными, реальными силами, действовавшими также в природе. Отсюда возникает вопрос: не произошло ли что-то такое серьезное в природе, если современная мифология оказалась такой враждебной для человека? Но ясно одно, мифологический процесс, видимо, повторяет в сознании человека *какой-то подлинный процесс*, совершающийся в окружающем его мире, и потому воспринимается им как истинная реальность. Ведь далеко не случайно в беседе с Н.А. Мельгуновым Шеллинг обратил внимание на тот момент, что его «философия природы входит и во все другие части... системы», что о природе у него «совершенно новые мысли» и что он никогда не обнаружит «их при жизни» (См.: Фридрих Шеллинг: pro et contra/ Сост., вступ.ст. В.Ф. Пустарнакова, примеч. М.А. Ходанович. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 177). Вероятнее всего, истинная философия природы должна стремиться восстановить сознание в его целостности, в его неразрывности, которая возникла во многом благодаря тому, что процесс развития мира оказался в конечном счете абсолютно неподвижным.

Современный мир действительно очень резко меняется, и сама, так называемая, теория «устойчивого развития», о которой сегодня многие спорят, является лишь констатацией той боли, того действительного положения вещей, квинтэссенцией которого выступает как раз абсолютная неустойчивость или культурная подвижность. И если мы окинем единым взором все до сих пор пройденные культурой моменты, то действительно вынуждены будем признать, что все они реальны, но все же не существуют в отрыве от движения мысли, которая не может никогда остановиться.

Основная проблема, таким образом, заключается в том, чтобы сделать мысль человека по возможности равной предмету мысли. Но «сознание человека не равно по сознанию природы» и если природа «перешагивает через него и его труды» то основа этого заключается именно в том, что человек *отрекся* от природы и что он, как показывает социокультурный опыт, был «предназначен вовсе не к тому, чтобы быть только лишь целью или концом не зависящего от него процесса, но к тому, чтобы самому стать зачинателем нового процесса, создателем второго мира, возвышающегося над первым, и подлинная цель человека состоит, таким образом, в том, чем он должен быть в этом другом мире, чем он должен стать благодаря свободе своей воли» (Шел-

линг Ф.В.Й. Философия откровения. Т.1. – СПб.: Наука, 2000. – С. 34). Наивно думать, что вся Вселенная, все бесчисленные светила созданы только для пользы и блага человека. Более широкий взгляд на космическое целое заставляет нас сегодня предположить, что человек – не последняя цель творения, что природа неутомимо трудится, находится в непрерывной работе, а человек, со своей стороны, тоже не бездействует. Именно он, *человек*, подводит нас к последнему вопросу: «почему вообще есть нечто, почему не есть ничто?» (Там же. – С. 36).

Наука, отвечающая на этот предельно общий вопрос, есть необходимая потребность самой *человеческой природы*, потребность соединить в одно единое целое искусство, мифологию, естествознание и философию. Другими словами, проблемы современного естествознания только в том случае будут поставлены *философски*, если мы обратимся к *идее* нового культурного синтеза современности и свяжем все это с историческим мышлением.

Однако историческое мышление, которое воплощает в себе идею культурного синтеза современности, требует ответа на вопрос: что такое современность?

Современность лишь в том случае будет соответствовать своему понятию, если она станет трансцендировать за пределы наличного в настоящем, а значит медленно, но неуклонно приподниматься над чувственной потребностью и чувственным сознанием.

В ходе истории человеческое «Я» постоянно стремилось к тому, чтобы возвыситься над чувственностью, преодолеть, так сказать, свою «немошь». Кто хотя бы раз наслаждался математическим или музыкальным искусством, тот прикасался к самой природе, которая любит скрываться. Это подтверждают также данные, полученные наукой. Например, астрофизики высказывают мысль о том, что чем дальше удаляется от нас Вселенная, тем ярче проступает скрывающаяся в недрах гармония. Дистанция между теоретическими выводами и первоначальными чувственными данными все более увеличивается (См.: Ойзерман Т.И. Сенсуалистическая гносеология и действительный научно-исследовательский поиск // Вопросы философии, № 1994. – С. 57). Да и между чувственным отражением внешнего мира и мышлением существует качественное отличие, которое нельзя игнорировать.

Эта мысль и выступает, на наш взгляд, в качестве мировоззренческого фундамента нового культурного синтеза современности, которая обращается к нравственному чувству и мысли, согласно принципу взаимодополнительности.

Работа представлена на Международную научную конференцию «Актуальные вопросы науки и образования, Россия (Москва), 18-20 апреля 2011. Поступила в редакцию 25.03.2011.